

РАЗДРАКОНИТЬ ИСТИННУЮ

18+

Д. К. Рейн

Раздраконить истинную

«Автор»

2026

Рейн Д.

Раздраконить истинную / Д. Рейн — «Автор», 2026

Судебный пристав Арина Корнеева привыкла иметь дело с должниками, а не с драконами. Но когда ритуал призыва истинной пары дает сбой, в пылающие чертоги Владыки Пепельных Пиков вместо нежной лани попадает женщина с папкой, наручниками и доскональным знанием Уголовного кодекса. Кайрен ждал покорную деву, способную исцелить его древнюю душу. Он получил циничную язву, которая требует ордер на осмотр пещеры, пишет протокол на трансформацию в ящера и угрожает статьей за незаконное проникновение. Теперь древний дракон, способный сжечь континент, вынужден изучать Трудовой кодекс, терпеть внезапные панические атаки своей «пары» в замкнутых пространствах и выяснять, как правильно заполнять миграционную карту. «Раздраконить истинную» — это история о том, как один бланк строгой отчетности может остановить апокалипсис, а любовь по ГОСТу оказывается крепче первородного пламени. Академии драконов придется потесниться: у них новый декан по безопасности, и она не принимает оправданий.

© Рейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Акт описи и ареста имущества	5
Глава 2. Инвентаризация ада и распорядок дня	10
Глава 3. Кодекс об административных правонарушениях и овсяная каша	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Д. К. Рейн

Раздраконить истинную

Глава 1. Акт описи и ареста имущества

Запах казенного присутствия — это совершенно особая субстанция. Его нельзя синтезировать в лаборатории или купить в парфюмерной лавке. Это сложный букет из застарелого табачного дыма, впитавшегося в казенные обои, пыли от картонных папок «На подпись», дешевого растворимого кофе и едва уловимой, но оттого еще более тошнотворной нотки человеческого отчаяния. Арина знала этот запах с закрытыми глазами. Она дышала им последние семь лет своей жизни, и он вьелся в ее легкие, кожу и, кажется, в саму структуру костей. Сейчас этот запах смешивался с вонью нестиранных носков должника, дорогим, но уже начавшим киснуть парфюмом его адвоката и озоном. Озона было подозрительно много. — Дамочка, вы вообще в курсе, с кем разговариваете? — Голос должника, господина Воронцова-младшего, вибрировал от праведного гнева. — Мой отец завтра же позвонит вашему министру! Вашего начальника выкинут на улицу без выходного пособия! Вы, вообще, понимаете, что я — неприкосновенная фигура? Арина Власовна Корнеева, судебный пристав-исполнитель межрайонного отдела по особым исполнительным производствам УФССП по г. Москве, медленно подняла на него взгляд поверх очков для чтения. Оправа была тяжелой, старомодной, купленной по скидке в подземном переходе. Она идеально давила на переносицу, напоминая о том, что рабочий день длится уже одиннадцать часов, а до дома ехать еще полтора в переполненном метро. — Я, господин Воронцов, разговариваю с физическим лицом, имеющим задолженность перед бюджетом Российской Федерации в размере четырех миллионов трехсот двух тысяч рублей, — ровным, монотонным голосом, от которого сводило скулы, произнесла она. — Статья 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» дает мне право наложить арест на любое имущество должника, принадлежащее ему на праве собственности, за исключением имущества, изъятого из оборота. Ваша фамилия, как ни странно, в Конституции РФ не упоминается. Следовательно, вы — оборотоспособны. В самом печальном для вас смысле. В кабинете повисла тяжелая тишина. Адвокат Воронцова побледнел. Сам Воронцов-младший надулся, став похожим на вареного рака в дорогом костюме-тройке. — Да я вас... — начал было он, делая шаг вперед. Арина даже не шелохнулась. Она просто щелкнула кнопкой автоматической ручки. Этот сухой, пластиковый щелчок в гробовой тишине звучал убедительнее любого пистолета. — Сделаете еще шаг, и я вменю вам статью 319 УК РФ — «Оскорбление представителя власти при исполнении», — продолжила она, не поднимая глаз от бланка. — А за попытку воспрепятствовать законной деятельности должностного лица — это уже триста восемнадцатая. До пяти лет, кажется. Хотя я могу ошибаться, я же не прокурор. Я просто описываю ваш плазменный телевизор. Кстати, чек есть? Нет? Значит, будем оценивать по рыночной стоимости. С учетом износа. Вы когда его в последний раз протирали? Пыль, я смотрю, скопилась знатная. Минус пятнадцать процентов от оценочной стоимости. Она была машиной. Идеально откалиброванным, лишенным эмоций и страха механизмом государственной машины. За семь лет работы она видела и бандитов с битами, и зареванных матерей-одиночек, и брызжащих слюной олигархов. Она знала одно: закон — это не дышло. Закон — это бетонная стена. И она была тем самым человеком, который брал эту стену и методично, с занесением в протокол, впечатывала в нее лица таких вот воронцовых. Внезапно воздух в кабинете перестал быть просто воздухом. Это началось не со вспышки. Это началось с давления. Сначала заложило уши, как при посадке самолета. Затем волосы на руках Арины встали дыбом — не от страха, а от статического электричества. Пластиковая ручка в ее пальцах заискрилась.

Лампочка под потолком, и без того тусклая, мигнула и с громким хлопком лопнула, осыпав ковер стеклянным крошевом. Воронцов-младший икнул и попятился. Его адвокат медленно сползал по кожаному креслу в обморок. Арина не испугалась. Арина разозлилась. У нее горел квартальный план. У нее на столе лежало еще восемь производств. А теперь ей, судя по всему, придется писать объяснительную о порче государственного имущества (лампочки) и вызывать электрика. — Гражданин, прекратите немедленно ваши фокусы, — строго сказала она в пустоту, защелкивая колпачок на ручке. — Если это попытка давления на пристава, то она квалифицируется по статье 296 УК РФ. Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия. От трех до семи. Выбираете? Пространство перед ее столом пошло рябью. Воздух сгустился, потемнел, сворачиваясь в тугую, пульсирующий чернотой жгут. Запах озона стал невыносимым, от него першило в горле. Жгут лопнул. Это не было похоже на портал из кино. Не было никаких красивых колец света. Пространство просто треснуло, как старое стекло, и из этой трещины хлынул не свет, а первобытная, слепящая тьма, пахнувшая серой, раскаленным камнем и чем-то нестерпимо древним. Тьма ударила в стол. Массивный дубовый стол, переживший трех начальников отдела, жалобно хрустнул. Пол под ногами Арины накренился. Она не закричала. Кричать было непрофессионально. Она лишь крепче сжала в руке папку с исполнительным листом. Из разлома шагнула фигура. Высокий. Настолько высокий, что ему пришлось пригнуться, чтобы не снести дверной косяк. Плечи у него были такими широкими, что казались физическим нарушением законов анатомии. Кожа — цвета старой бронзы, туго обтягивающая жгуты мышц. Длинные волосы, цвета воронова крыла с вплетенными в них золотыми цепями, падали на спину. Он был обнажен по пояс, и на его груди, прямо над сердцем, пульсировал выжженный знак — спираль, похожая на галактику, схлопывающуюся в точку. Арина прищурилась. — Так, — сказала она, перекладывая папку под левую руку. — Нарушение статьи 20.1 КоАП РФ. Мелкое хулиганство. Выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся уничтожением чужого имущества. Плюс статья 167 УК РФ, часть вторая — умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенные из хулиганских побуждений путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом. Вы в курсе, что за это полагается до пяти лет лишения свободы? Существо моргнуло. Его глаза не имели зрачков. Они были целиком заполнены расплавленным золотом, в котором плясали язычки черного пламени. Он открыл рот. Арина ожидала рева, рычания, может быть, даже угрозы на ломаном русском в духе голливудских боевиков. Но он заговорил. И его голос был звуком сдвигающихся тектонических плит. Глубокий, резонирующий, вибрирующий в костях. — *Эш'нарэт тил'анис. Кхей'лир. Ты явлена.* Звуковая волна была такой силы, что бумаги на уцелевшем углу стола взвились в воздух. Воронцов-младший, издав сдавленный писк, окончательно выпал в астрал. Арина поморщилась и свободной рукой поправила очки, съехавшие на нос от акустического удара. — Я не явлена, — отрезала она. — Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Представьтесь, пожалуйста. Фамилия, имя, отчество. Дата рождения. Основание вашего нахождения в данном служебном помещении. У вас есть пропуск? Если нет, я буду вынуждена вызвать наряд полиции. Существо замерло. Золото в его глазах на мгновение сменилось чистым недоумением. Он привык к тому, что смертные при его появлении падают ниц. Он привык к благоговению, к священному трепету, к мольбам. За последние пять тысяч лет его существования никто — ни короли, ни демоны, ни боги — не спрашивал у него пропуск. Он сделал еще один шаг. Пол под его босыми ногами пошел трещинами. — Я — Кайрен, Владыка Пепельных Пиков, — пророкотал он, и в голосе его прорезалось раздражение. — Я призвал свою Истинную. Тебя. Душа моя, склонись перед волей Первородного Пламени. Время игр закончилось. Нам нужно запечатать союз. Сейчас. Арина тяжело вздохнула. Вот только этого не хватало. Сектант. Причем, судя по антуражу и ущербу интерьеру, очень могущественный и буйный сектант. — Владыка, значит, — она задумчиво постучала папкой по раскрытой ладони. — Хорошо. Записываю. Кайрен. Владыка. Пепельных. Пиков. Это долж-

ность или фамилия? — Это моя суть! — взревел он, теряя остатки терпения. Магия сгустилась вокруг него, заставляя воздух дрожать. — Я не подчиняюсь вашим жалким законам, смертная! Я — закон! Я — огонь, пожирающий миры! Я пришел за тобой, чтобы сделать своей королевой! — Королевой чего? — уточнила Арина, делая пометку в блокноте, который она достала из поясной сумки. — У вас есть юридическая регистрация вашего... королевства? ИНН? ОГРН? Если нет, то с точки зрения международного права вы — самопровозглашенное образование. И я, как должностное лицо Российской Федерации, не имею права вступать с вами в какие-либо правоотношения, не подтвержденные документально. Кайрен моргнул снова. Его мозг, привыкший к интригам древних эльфов, предательству демонов и логике стихий, впервые за тысячелетия столкнулся с абсолютным, непробиваемым абсурдом. Он протянул к ней руку. На его ладони вспыхнул шар чистой плазмы. Не угрожающе, а скорее... демонстрируя серьезность намерений. — Душа моя, — его голос стал тише, вкрадчивее, пытаясь пробиться сквозь ее броню. — Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Мы связаны. Ты — моя вторая половина. Магия выбрала нас. Арина посмотрела на шар плазмы, потом на свои ноги. Она все еще стояла на полу кабинета в УФССП. На ней были удобные, разношенные туфли-лодочки на низком каблучке. Каблук немного стерся с внутренней стороны. Нужно будет зайти в мастерскую. Если она, конечно, переживет этот день. — Магия, значит, — повторила она. — Это вы мне сейчас статью 111 УК РФ — «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» — демонстрируете? Плазма — это открытый огонь. Ожоги третьей и четвертой степени. До восьми лет. Она сделала шаг вперед. Кайрен опешил. Обычно жертвы пятились. Арина подошла к нему вплотную. Она едва доставала макушкой до его нагрудных пластин мышц. Она подняла голову, посмотрела в его пылающие глаза и ткнула его пальцем в солнечное сплетение. — Гражданин Владыка, — сказала она очень, очень тихо. — Вы мешаете мне работать. Вы уничтожили казенное имущество. Вы довели до обморока свидетеля. И сейчас вы размахиваете на территории государственного учреждения открытым огнем. Это нарушение правил пожарной безопасности. Она нажала пальцем сильнее. И случилось невозможное. Плазма на его ладони с жалобным шипением погасла. Золото в его глазах померкло, сменяясь обычным, человеческим карим цветом с вертикальным зрачком. Давление, разрывавшее кабинет, схлопнулось. Воздух стал просто воздухом. Кайрен отшатнулся, схватившись за грудь. Он посмотрел на свою руку, затем на Арину. — Что ты... сделала? — прохрипел он. Его магия, его абсолютный контроль над стихиями, просто... исчез. Словно наткнулась на невидимую стену. — Это невозможно. Ни один смертный не может блокировать Первородное Пламя. — Я не блокирую, — Арина устало потерла переносицу. — Я просто администрирую. У вас, Владыка, налицо систематическое нарушение норм административного кодекса. А у меня — конец квартала. Она обошла его, перешагнула через дымящуюся дыру в полу и подошла к своему столу. Вернее, к тому, что от него осталось. — Так, — пробормотала она, оглядывая обломки. — Стол дубовый, инвентарный номер 402-бис. Уничтожен. Она открыла ящик уцелевшей тумбы. Ящик, как ни странно, уцелел. Арина достала оттуда новый, девственно чистый бланк акта. — Составим опись, — деловито сказала она, доставая ручку. — Так... Присутствуют: я, Арина Власовна. Свидетель... Свидетель в отключке, запишу данные с пропуска. И вы. Как вас по паспорту? Кайрен стоял посреди разрушенного кабинета, и его мир, простоявший десять тысяч лет, рушился с треском, куда более громким, чем ломающийся дуб. Он пришел за своей хрупкой, нежной, магически одаренной истинной парой. За той, что должна была упасть в его объятия и исцелить его древнюю душу. Вместо этого перед ним стояла разъяренная женщина с папкой, которая всерьез собиралась составлять протокол на конец света. — Ты... ты не Истинная, — выдохнул он, и в его голосе впервые прозвучала не ярость, а паника. — Ты — ошибка. Система дала сбой. Ритуал призыва... — Система у нас одна — Федеральная служба судебных приставов, — отрезала Арина, не отрываясь от заполнения графы «Описание повреждений». — И если вы, гражданин, не прекратите препятствовать исполнительным действиям, я применю к вам физическую силу и

спецсредства. У меня, между прочим, наручники в сейфе лежат. Бросковая техника отработана. Хотите проверить, удержит ли сталь МВД Владыку Пепельных Пиков? Кайрен посмотрел на ее руку, сжимающую шариковую ручку с таким видом, будто это ритуальный кинжал. Он посмотрел на ее лицо — уставшее, злое, лишенное всякого намека на трепет перед его божественностью. Он понял одну страшную, чудовищную вещь. Эта женщина не просто не боялась его. Она его не *видела*. Для нее он не был древним драконом, Владыкой и воплощением магии. Для нее он был просто «гражданином», создающим шум и материальный ущерб. — Где я? — спросил он севшим голосом. Арина наконец оторвалась от акта. Она посмотрела на него как на идиота. — В Российской Федерации, город Москва, улица Кржижановского, дом сорок два, строение один, кабинет двенадцать, — отчеканила она. — Районный отдел судебных приставов. Время — восемнадцать ноль пять. Дата — двенадцатое октября. Теперь, будьте добры, сядьте на пол. Руки за голову. Ожидаем наряд. И если вы прожжете своим задом линолеум, я этот ущерб тоже включу в протокол. Она нажала кнопку вызова дежурного на стене. Кнопка коротко пискнула. Кайрен медленно опустился на колени. Прямо на бетон, обнаженными коленями. Он смотрел на Арину снизу вверх, и в его золотых глазах, которые видели рождение звезд, плескался чистый, незамутненный ужас перед лицом Абсолютной Бюрократии. Дверь кабинета, чудом державшаяся на одной петле, распахнулась от удара тяжелых берцов. На пороге возник дежурный прапорщик, а за его спиной — двое ОМОНовцев в полном облачении. — Корнеева, что за х... — начал прапорщик, обводя взглядом дымящиеся руины, голого мужика на коленях и обмороченного адвоката. Арина подняла на него абсолютно спокойный взгляд. — Иван Сергеевич, вызывайте СОГ, — сказала она буднично. — Попытка проникновения со взломом, порча государственного имущества, незаконное лишение свободы свидетеля. И... — она на секунду замялась, оглядывая атлетичную фигуру Кайрена, — статью 134 посмотри заодно. Хотя нет, он выглядит совершеннолетним. Но на всякий случай проверь. Кайрен понял, что если он сейчас же не вернет себе контроль, его истинная пара сдаст его в следственный изолятор. Он глубоко вдохнул. Собрал остатки своей гордости, своей магии, своего статуса Владыки. Он призвал огонь. Он призвал пепел. Он призвал древнюю кровь драконов, что текла в его жилах. Он начал меняться. Кости с сухим треском перестраивались. Кожа натягивалась, покрываясь алмазной твердостью чешуей цвета застывшей лавы. Мышцы вздувались, разрывая границы человеческой анатомии. За спиной с грохотом, пробившим стену кабинета и соседнюю серверную, развернулись два огромных крыла. Из лопаток хлынул огонь, освещая руины адским багровым светом. Его голова вытянулась. Челюсть удлинилась, обнажая ряды кинжальных зубов. Ноздри выпустили струи дыма. Перед Ариной стоял Дракон. Настоящий. Огромный, заполнивший собой все пространство разрушенного кабинета двенадцать. От его жара плавилась остатки линолеума. Прапорщик икнул. ОМОНовцы медленно, очень медленно начали поднимать автоматы. Арина тяжело вздохнула. — Гражданин, — сказала она, перекрикивая низкий вибрирующий рык чудовища. — Трансформация в общественном месте без соответствующего разрешения администрации! Это нарушение! Она достала из сумки новый бланк. Дракон Кайрен, Владыка Пепельных Пиков, Пожиратель Миров, Ужас Горизонта, моргнул. А затем он сделал то, чего не делал никогда в своей десяти тысячелетней жизни. Он чихнул. От смущения. Струя чистого пламени ударила в потолок, испепелив остатки люстры. Арина покачала головой, заполняя графу «Причина возгорания». — Неосторожное обращение с огнем, — констатировала она. — Штраф. И возмещение ущерба. Она подошла к дракону, который от чиха потерял равновесие и чуть не снес хвостом сейф, и чувствительно ткнула его пальцем в чешуйчатую коленку. — И чтобы завтра к девяти утра были в моем новом кабинете, — строго сказала она. — Будем оформлять вам вид на жительство. И справку о несудимости. И не дай бог вы ее подделаете, я вас по базе пробью. У меня доступ есть. Дракон смотрел на нее сверху вниз. Его гигантская, уродливая, чудовищная голова склонилась набок. Он ожидал чего угодно: молитв, проклятий, попытки бежать. Но она просто стояла перед ним,

маленькая, злая женщина в помятом пиджаке, и ждала, когда он прекратит валять дурака и пойдет за ней заполнять миграционные карты. Кайрен почувствовал, как его разум, острый и древний, дает трещину. — Ты... ненормальная, — пророкотал он, и в этом рыке слышалось что-то подозрительно похожее на истерический смех. — Я — старший лейтенант Корнеева, — строго поправила его Арина. — Документы при себе? Нет? Плохо. Очень плохо. Она развернулась и пошла к выходу, перешагивая через обломки. Обернулась на пороге. — Ну? — прикрикнула она. — Долго мне ждать? У меня рабочий день закончился, между прочим. Огромный, смертоносный, древний Владыка Пепельных Пиков тяжело вздохнул дымом. Его крылья сложились с треском ломающихся балок. Он начал обратный процесс трансформации, болезненно и быстро сжимаясь до человеческих размеров. Через минуту посреди разгромленного кабинета стоял обнаженный мужчина с кожей цвета бронзы. Он выглядел совершенно потерянным. Арина смерила его взглядом. — Прикройтесь, — бросила она, швыряя ему чей-то брошенный на пол пиджак. — Идемте. И если вы наступите в лужу от огнетушителя, я заставлю вас мыть полы. Она вышла в коридор. Кайрен, прижимая к себе пиджак, как величайшее сокровище, поплелся за ней. Где-то в глубине его души, там, где раньше жила только гордость и ярость, зарождалось новое, совершенно чуждое ему чувство. Это было чистое, незамутненное любопытство. А еще — панический страх перед Уголовным кодексом Российской Федерации.

Глава 2. Инвентаризация ада и распорядок дня

Сознание возвращалось к Арине неохотно, словно нерадивый сотрудник, которого заставляют выйти на работу в субботу. Первой пришла головная боль — тупая, пульсирующая, локализованная где-то в районе затылка. Второй — запах. Запах сменился полностью. Вместо казенного амбре УФССП, состоящего из пыли, дешевого пластика и чужого несчастья, воздух пах озоном, раскаленным камнем и чем-то сладковато-дымным, как будто кто-то сжигал в камине очень дорогие специи вместе с бухгалтерским архивом. Она не открыла глаза сразу. Это было первым правилом выживания в ее профессии: если ты не видишь, кто на тебя смотрит, у тебя есть фора в полторы секунды, чтобы оценить ситуацию по звукам и вибрации пола. Пол вибрировал. Низкая, утробная вибрация, от которой ныли зубы. Арина медленно разжала пальцы. Папка. Кожаное изделие производства фабрики «Красный якорь», модель «Для выездных проверок». Папка была при ней. Это уже хороший знак. Значит, портал, или что там это было, не распылил ее на атомы, а провел полную инвентаризацию ее имущества. Даже туфли, кажется, были на месте, хотя ноги стояли не на линолеуме, а на чем-то гладком, ледяном и идеально ровном. Она рискнула приоткрыть один глаз. Линолеума не было. Под ногами был черный мрамор с золотыми прожилками, складывающимися в узоры, от которых у непривычного человека началась бы морская болезнь. Арина моргнула. Узоры не изменились. Они действительно двигались, медленно перетекая друг в друга, словно живые чернила. Она стояла в центре огромного зала. Потолок терялся где-то в темноте на высоте метров двадцати. Стены представляли собой сплошные стеллажи из того же черного дерева, что и ее разбитый стол, уходящие во тьму. На стеллажах не было книг. Там стояли черепа. Черепа существ, которых эволюция, видимо, забыла или постыдилась выпустить в свет: с тремя рядами зубов, с рогами, растущими внутрь глазниц, и с челюстями, способными перекусить стальную балку. — Мать моя, ФССП, — тихо выдохнула Арина. — Это же какой ущерб по статье «уничтожение объектов животного мира, занесенных в Красную книгу». Если она тут есть. — Очнулась, — раздался голос, от которого мраморный пол пошел мелкой рябью. Кайрен. Он сидел в кресле. Хотя слово «кресло» едва ли подходило этому архитектурному сооружению из черного обсидиана и живой тьмы. Владыка Пепельных Пиков больше не выглядел как голый бронзовый культурист, получивший перцовым баллончиком в лицо. Сейчас на нем была одежда. Арина, как человек, семь лет смотревший на чужие брендовые шмотки через призму их залоговой стоимости, оценила ущерб. Ткань его камзола не отражала свет — она его поглощала. Казалось, если ткнуть в нее пальцем, палец исчезнет навсегда. На плечах лежала тяжелая цепь, звенья которой были размером с наручники Арины, и каждое звено светилось тусклым багровым светом, словно внутри текла магма. Он выглядел как реклама очень дорогого, очень незаконного и очень болезненного БДСМ-клуба. — Где мы? — спросила Арина, деловито отряхивая лацкан своего пиджака. Пиджак был безнадежно испорчен: на плече зияла обугленная дыра от драконьего чиха. — Это ваше жилое помещение? По документам БТИ проходит? Площадь какая? Налог на имущество платите? Кайрен медленно провел рукой по подлокотнику. Обсидиан задымился, принимая форму его ладони. — Это Зал Призыва в Цитадели Пепельных Пиков, — его голос больше не гремел, как обвал в горах. Он стал тише, глубже, но от этого не менее опасным. — Мой дом. Наша общая спальня. Арина скептически оглядела зал, забитый черепами и движущимися стенами. — Спальня? — она приподняла бровь. — СанПиНы вы, я так понимаю, не соблюдаете. Пыль, радиация, костная мука в воздухе. У меня на это аллергия. И где, позвольте узнать, свидетельство о праве собственности? Я на улицу Кржижановского, сорок два, строение один, прописана. Выписываться без решения суда не намерена. Дракон моргнул. Его вертикальные зрачки расширились, поглощая золотой ободок радужки. — Ты боишься, — констатировал он. Арина фыркнула. — Я не боюсь, Кайрен. Я нахожусь в

состоянии сильного душевного волнения, вызванного незаконным перемещением меня через границу РФ. Согласно статье 322 УК РФ, это преступление. А согласно моему личному графику, через сорок минут я должна была пить чай с бергамотом и смотреть сериал. Вы мне сорвали вечерний релакс. Это тянет на компенсацию морального вреда. Она сделала шаг вперед. Каблуки ее туфель — дешевые, удобные, из коджама — звонко цокали по мрамору. Звук был единственным нормальным явлением в этом музее уродов. — Ладно, — Арина остановилась в пяти шагах от его трона, скрестила руки на груди и прищурилась. — Давайте начистоту. Я поняла, что вы — фэнтези. Дракон, истинная пара, магия. Я даже готова допустить, что у меня временное помутнение рассудка от переутомления. Но давайте к делу. Чего вы от меня хотите? Кайрен наклонился вперед. Тьма вокруг него сгустилась, становясь почти осязаемой. — Я хочу, чтобы ты приняла свою суть, — прошипел он. — Ты — Истинная. Половина моей души. Когда мы соединимся, моя магия, которая разрушает ядро этого мира, стабилизируется. Ты станешь моей королевой. Мы будем править. Ты родишь мне наследников. Арина слушала этот бред с выражением лица человека, читающего отказ в возбуждении уголовного дела из-за отсутствия состава преступления. — Так, стоп, — она выставила вперед ладонь. — По порядку. Она начала загибать пальцы. — Первое. Соединение. Это эвфемизм? Если вы сейчас предложите мне раздеться, я применю статью 131. У меня в сумке, между прочим, лежит газовый баллончик «Черная вдова». Он просроченный, конечно, но слезоточивый газ со временем становится только злее. — Второе. Королева. Я — федеральный государственный гражданский служащий. Классный чин — юрист 1 класса. У меня выслуга лет идет. Мне до пенсии МВД пахать еще двенадцать лет, если выслугу не отменят. Какая корона, вы в своем уме? — Третье. Наследники. У меня ВМС стоит. И справка от гинеколога, что мне рожать противопоказано по кардиологии. Синусовая тахикардия. Пульс под сто двадцать от одного вида голых мужиков на троне. Кайрен слушал этот поток сознания, и его адамово яблоко дернулось. Он ожидал чего угодно. Священного трепета. Нежности. Страху. Но он не был готов к тому, что его божественную судьбу разберут по пунктам, как кассационную жалобу. — Твои земные законы здесь не действуют, — процедил он, сжимая подлокотник так, что обсидиан пошел трещинами. — Здесь есть только моя воля. — Ваша воля упирается в мой административный ресурс, — парировала Арина. — Слушайте внимательно, Владыка. Я сейчас очень зла. У меня разбили стол. У меня сорвали план по взысканию алиментов. И меня вырвали из реальности без предварительного уведомления. Поэтому я устанавливаю здесь свои правила. Она достала из папки чистый лист бумаги формата А4 и шариковую ручку. — Правило первое, — начала она писать размашистым, но четким почерком. — Никакого секса без письменного согласия сторон. Бланк согласия я вам потом распечатаю, там мелкий шрифт на три страницы. — Правило второе. Режим дня. Подъем в ноль семь ноль ноль. Завтрак в ноль семь тридцать. Если вы будете дышать на меня огнем до кофе, я вмажу вам этим протоколом по морде. — Правило третье. Санитария. Эти черепа, — она ткнула ручкой в сторону ближайшего стеллажа с трехглазым монстром, — это пылесборники. У вас есть аллергия на плесень? Нет? Будет. Все убирать. Стены помыть. Проветрить. Она закончила писать, поставила жирную точку, оторвала листок (зубами, так как руки были заняты папкой) и протянула его дракону. — Ознакомьтесь. Подпишите внизу. Копию получите в канцелярии. Кайрен взял бумагу двумя пальцами, словно это была ядовитая змея. Его глаза бегали по строчкам. «...запрещается трансформация в боевую форму внутри жилых помещений без согласования с УК...» «...посещение санузла с открытой дверью карается общественными работами...» «...график спаривания (по согласованию)...» — Ты... издеваешься? — его голос стал опасно тихим. — Я оптимизирую процессы, — Арина села прямо на пол. Мрамор был холодным, но ей было плевать. Ноги гудели. — Вы, драконы, сколько тысяч лет тут сидите? Магия утекает, мир трещит, истинные не находятся. А все почему? Потому что у вас менеджмента нет. У вас даже должностной инструкции для Владыки нет. Каждый творит что хочет. Она достала из сумки маленькую бутылочку воды,

открыла крышку и сделала глоток. — Я приведу этот бардак в порядок. Но на моих условиях. Кайрен смотрел на нее сверху вниз. На маленькую женщину в мятом, прожженном пиджаке, сидящую на полу его тронного зала, как на лавочке в парке, и диктующую ему, древнему ужасу, правила пользования санузелом. Его магия, которая всегда была пламенем — диким, жадным, сжигающим, — впервые за тысячелетие почувствовала холод. Ледяное спокойствие этой женщины замораживало его изнутри. — Если ты не подчинишься, — начал он, пытаюсь вернуть себе хотя бы иллюзию контроля, — я могу заставить. Моя воля сильнее твоей плоти. Арина поперхнулась водой. — Попробуй, — прохрипела она, вытирая подбородок. — Только учти. Если ты применишь ко мне физическое или психическое насилие, я объявлю голодовку. Я буду сидеть в этом зале и смотреть на тебя. Молча. Сутками. Знаешь, что такое «итальянская забастовка»? Это когда ты работаешь строго по инструкции. Я начну работать по инструкции «Пленник в руках темного властелина». Я буду требовать горячее питание три раза в день, восьмичасовой сон и ежедневную прогулку. Выдержишь? Кайрен понял, что проигрывает. Он, который выжигал города одним взглядом, пасовал перед угрозой бюрократического саботажа. — Чего ты хочешь? — сдался он. Арина допила воду, смяла бутылку и убрала ее обратно в сумку (мусорить в гостях — признак дурного тона). — Для начала — нормальную кровать. Двухспальную. Матрас с независимыми пружинами, ортопедический. И чтобы изголовье было мягким, а не из лезвий. Я на работе насиделась на твердых поверхностях. — Второе. Еду. Человеческую. Я плотоядная, но ваши черепа меня угнетают. Мне нужны углеводы. И кофе. Много кофе. — Третье. Информацию. Где я нахожусь? Какое здесь политическое устройство? Кто ваш главный враг? Мне нужно составить SWOT-анализ вашего положения, прежде чем я решу, стоит ли спасать этот мир или проще вызвать МЧС. Она встала, отряхнула пылинки с брюк. — И да, Кайрен. Раз уж мы теперь... пара. У вас изо рта пахнет серой. Купите жвачку. Или хотя бы почистите зубы. Истинная любовь любовью, а гигиена — дело святое. Она развернулась и пошла в темноту между стеллажами с черепами. — Эй, — рыкнул ей в спину дракон. — Куда ты идешь? — Осматривать жилплощадь, — не оборачиваясь, бросила Арина. — Ищу розетку. Мне нужно зарядить телефон. Если у вас тут нет электричества, будем вводить трудовую повинность. Вы будете крутить динамо-машину. Кайрен остался сидеть на троне, сжимая в руке листок А4. Он поднес бумагу к лицу. Бумага пахла ее духами — чем-то дешевым, аптечным, с нотками лаванды и озона. Он посмотрел на свой зал. На движущиеся стены. На черепа. На свою одежду из первородной тьмы. А затем он начал смеяться. Это был страшный звук. Смех древнего существа, которое только что осознало, что его бессмертие, его власть и его первородное пламя встретили единственное, против чего магия бессильна. Российскую Федеральную Службу Судебных Приставов. **Спустя три часа.** Арина сидела на единственном нормальном предмете мебели, который она нашла в Цитадели — на жестком деревянном сундуке в одной из боковых комнат, которая, видимо, служила гардеробной для жертв. Сундук пах старой кровью, но Арина, привыкшая к запахам моргов и подвалов, игнорировала это. Она нашла розетку. Чудом. Она была сделана из человеческих черепов поменьше, но вилка от ее зарядки (которая тоже переместилась с ней — слава богу, пауэрбанк был заряжен на 87%) вошла идеально. Телефон включился. Связи, естественно, не было. Wi-Fi тоже. Но часы работали. 01:14 ночи. Арина зевнула, прикрывая рот ладонью. — Значит так, — сказала она в темноту. — Я составила предварительный реестр имущества. Кайрен стоял в дверях, прислонившись к косяку. Он снял свой камзол из поглощающей свет ткани и остался в чем-то, напоминающем льняные штаны. Без рубашки. Видимо, решил, что раз она видела его драконом, то человеческая анатомия ее не смутит. Он выглядел уставшим. — Какой реестр? — хрипло спросил он. — Инвентаризационная ведомость, — Арина подсветила экраном телефона его лицо. — Значит, записывайте. Или запоминайте. Я диктую. Она начала загибать пальцы: — Пункт один. Помещение: Цитадель Пепельных Пиков. Общая площадь — неизвестна, требуется кадастровый инженер. Состояние — неудовлетворительное. Требуется капитальный ремонт. Плесень, гри-

бок, костная пыль. Санитарно-эпидемиологическое заключение — отрицательное. — Пункт два. Имущество. Мебель: один трон (обсидиан, требует полировки), один сундук (кровь, древесный жук), стеллажи (несущие конструкции в норме, заполнение — утиль). — Пункт три. Финансовые обязательства. Долги передо мной: один разбитый стол (дуб, 40 000 рублей по курсу), один сорванный рабочий день (мои нервы бесценны), один моральный ущерб (пока оцениваю в миллион, но я добрая, скину до пятисот тысяч). Кайрен потер переносицу. Его золотой глаз тускло светился в полумраке. — Ты понимаешь, что я могу превратить тебя в пепел прямо сейчас? — спросил он без угрозы, скорее с исследовательским интересом. Как биолог, изучающий странную плесень. — Понимаю, — кивнула Арина, не отрываясь от экрана телефона, где она уже открыла приложение «Заметки». — Но тогда ваша магия окончательно пойдет вразнос. Вы же сами сказали — я якорь. Если якорь превратить в пепел, корабль разобьет о скалы. А судя по тому, как трясло ваш зал, когда я чихнула, скалы у вас тут везде. Так что мы с вами в одной лодке, Владыка. И я на руле. Она захлопнула крышку телефона. Экран погас, погружая комнату в темноту, разбавленную только багровым светом цепи на шее Кайрена. — Завтра, — сказала Арина, укладывая голову на жесткий край сундука и подкладывая под щеку свернутый пиджак. — В ноль семь ноль ноль. Разбужу. Будем составлять график уборки. И не дай бог вы сожжете тряпку. Я заставлю вас мыть полы магией. Точно. Она закрыла глаза. Кайрен стоял над ней, глядя на это хрупкое, наглое создание. Она спала в логове дракона, среди костей его врагов, подложив под голову пиджак, пропахший дымом и валерьянкой (она всегда капала ее на воротник перед совещаниями), и дышала ровно и спокойно. Он протянул руку, чтобы коснуться ее лица. Проверить, не иллюзия ли это. Но отдернул руку в сантиметре от ее кожи. Боялся. Древний, могущественный, смертоносный Владыка боялся разбудить судебного пристава. Потому что он еще никогда в жизни не видел ничего более пугающего, чем женщина, которая в аду требует соблюдения правил пожарной безопасности. Он тихо отошел к своему трону. Сел. И впервые за десять тысяч лет понял, что завтрашний день пугает его гораздо больше, чем грядущая гибель мира. Потому что завтра ему предстояло мыть окна.

Кайрен проснулся от звука, который не слышал уже несколько столетий. Это был не рев штурмующих цитадель демонов, не грохот обвала в нижних шахтах и даже не вой магического резонанса, раздирающего ядро мира. Это был ритмичный, методичный, сводящий с ума звук дерева, трущегося о стекло. Он открыл глаза. Багровое свечение цепи на его шее освещало зал. Трон стоял на месте. Черепа на полках застыли в вечном безмолвии. А вот мир вокруг изменился. Прямо перед его обсидиановым тронem, на идеально чистом (и это пугало больше всего) участке мраморного пола, стояла Арина. Она была все в том же мятом пиджаке, который теперь напоминал половую тряпку, и в тех же туфлях. В руках она сжимала древнюю, покрытую пылью тряпку, которую, видимо, нашла в кладовой для жертвенных полотен. Она мыла окно. В Цитадели Пепельных Пиков не было окон в человеческом понимании. Были узкие бойницы, забранные зачарованным стеклом, которое темнело, если снаружи подкрадывался враг, и светлело, если хозяину хотелось полюбоваться лавой. Сейчас одна из таких бойниц — высотой в три человеческих роста — сверкала первозданной чистотой. — Раз, два, три, четыре... — бормотала Арина себе под нос, считая движения. — Кто так рамы устанавливает? Древесина не просушена, геометрия нарушена. Через эти щели зимой все тепло уйдет. Кайрен, у вас тут какой коэффициент теплопроводности стен? Дракон медленно сел. Его волосы, обычно лежащие тяжелой волной, стояли дыбом. — Ты сошла с ума, — это был не вопрос, а констатация факта. — Солнце еще не встало. Мои внутренние часы говорят, что сейчас пять утра. Демоны Бездны и те спят в это время. — Демоны Бездны не платят за отопление, — отрезала Арина, макая тряпку в ведро. Ведро тоже было древним, медным, с чеканкой в виде пыток. Сейчас в нем плескалась вода с добавлением чего-то мыльного — Арина нашла в сундуке комок жира, который, судя по запаху, был вытоплен из жира горных троллей, и без зазрения совести сварила из него щелок. — И у них нет сквозняков. Так, я закончила с этой секцией. Подайте

мне вон ту стремянку. Только вытрите с нее пыль, я вчера видела, там паутина размером с мою годовую премию. Кайрен сжал подлокотники. Обсидиан застонал. Его магия, его первородное пламя, требовало испепелить эту женщину. Сжечь ее вместе с тряпкой, ведром, пиджаком и ее идиотским графиком уборки. Но каждый раз, когда он пытался призвать огонь, в его голове звучал ее монотонный голос: *«Гражданин, неосторожное обращение с огнем в помещении, где находятся предметы интерьера, карается штрафом»*. Его пламя, способное плавить горы, панически боялось штрафов. — Зачем ты это делаешь? — спросил он, пытаясь сохранить остатки достоинства. Его голос все еще вибрировал, заставляя цепи на его шее звенеть. — Это мой дом. Моя крепость. Моя тьма. Мне нравится пыль. Она символизирует тлен веков. — Тлен веков — это отличная среда для размножения пылевых клещей, — Арина сплюнула на тряпку и с остервенением принялась тереть особо упрямые потеки древней крови на стекле. — У вас тут астму подхватить — раз плюнуть. Я, конечно, понимаю, вы — дракон, вам кислород не особо нужен, вы и метаном подышать можете. А я человек. Мне нужен чистый воздух. И дневной свет. Она остановилась, вытерла лоб тыльной стороной ладони, оставив грязную полосу. — Кстати, о свете. Почему у вас тут так темно? Это экономия на электричестве или вы боитесь, что вас загарпунят снайперы? — Это Цитадель Тьмы, — процедил Кайрен. — Здесь нет солнца. Здесь есть только я. — Это нарушение СанПиН 2.2.1/2.1.1.1278-03, — Арина назидательно подняла палец. — «Гигиенические требования к естественному, искусственному и совмещенному освещению жилых и общественных зданий». У меня в телефоне даже PDF есть, могу зачитать. Если в помещении постоянно пребывают люди, коэффициент естественного освещения должен быть не ниже... В общем, где у вас тут выключатель? Она огляделась. Подошла к стене, где висел гобелен, изображающий, как драконы пожирают целые армии, и начала его ощупывать. — Так, здесь пусто. А здесь? — она нажала на камень с изображением черепа. Камень утопился с тихим щелчком. Часть стены с грохотом отъехала в сторону, открывая винтовую лестницу, уходящую вниз, в непроглядную тьму. Оттуда пахло холодом, сыростью и чем-то нестерпимо тошнотливым. Арина заглянула в проем. Достала из кармана пиджака маленький брелок-фонарик. Тонкий луч светодиода ударил во мрак, выхватывая из темноты ржавые цепи, крючья для подвешивания туш и каменные столы с желобами для стока крови. — Пыточная, — констатировала она с видом риелтора, оценивающего неудачную планировку. — Подвальный этаж. Влажность высокая. Проводка старая, открытая. Штраф от пожарной инспекции будет космическим. Она обернулась к Кайрену. Луч фонарика осветил ее лицо снизу, сделав его похожим на маску демона, но глаза оставались абсолютно, пугающе нормальными. — Значит так, Владыка. Эту дверь мы завариваем. Или ставим нормальный замок. Ключи только у меня. Это помещение я оформляю как склад временного хранения конфиската. Вход посторонним запрещен. — Это моя память, — рыкнул Кайрен. Его глаза вспыхнули золотом так ярко, что тени в зале испуганно метнулись по углам. — Там я изучал боль. Там я стал тем, кто я есть. Ты не смеешь... — Ой, только не надо мне этих соплей про темное прошлое, — Арина закатила глаза и начала спускаться по лестнице, подсвечивая себе под ноги. — У всех мужиков в кризис среднего возраста есть такая каморка. «Не трогай, это моя боль». Вы бы еще там дневник вели. «Дорогой дневник, сегодня сжег деревню, чувствую себя непонятым». Она спустилась на несколько ступеней и остановилась, услышав тихий, вибрирующий звук. Кайрен смеялся. Это не был тот страшный смех из вчерашней ночи. Это был настоящий, человеческий смех. Он согнул плечи, уперся лбом в подлокотник трона и тряся, пытаясь сдержать хохот, который рвался из его груди. Арина замерла с занесенной для следующего шага ногой. — Что? — подозрительно спросила она. — У меня что-то на лице? Или ведро течет? — Ты... — Кайрен поднял голову. По его бронзовым скулам текли слезы — не огненные, а самые обычные, соленые. — Ты... «дорогой дневник»... «кризис среднего возраста»... Женщина, ты хоть понимаешь, что перед тобой Владыка, перед которым трепещут семь королевств? Что мое имя высечено на алтарях из костей? — Понимаю, — кивнула Арина,

спускаясь еще на ступеньку. — Именно поэтому я сейчас стою в вашей личной пыточной с фонариком за сто рублей и думаю, где бы тут найти место под швабры. Если вы через десять секунд не прекратите ржать и не поможете мне закрыть этот портал в депрессию, я объявлю локацию «Пыточная» зоной общего пользования. И буду ставить сюда ОМОН на дежурство. У меня там, наверху, в сумке, кстати, рация осталась. Вызову своих ребят, они вам быстро объяснят, что такое «неприкосновенность частной жизни» и «превышение должностных полномочий». Кайрен перестал смеяться так же внезапно, как начал. Он стер слезы тыльной стороной ладони. Его плечи все еще подрагивали, но в золотых глазах появилось что-то новое. Не страх. Не гнев. Любопытство. Чистое, незамутненное любопытство хищника, который поймал диковинную зверушку и никак не может понять, почему она не умирает от разрыва сердца. — Ты не боишься, — тихо сказал он. — Боюсь, — честно ответила Арина, наконец спускаясь на каменный пол пыточной. Она посветила фонариком на ржавые клещи. — У меня паническая атака начинается в замкнутых пространствах. У меня пульс сейчас сто сорок. Но знаете что, Владыка? Она подошла к огромному ржавому колесу с шипами, которое, видимо, служило для растягивания конечностей. — Когда у тебя пульс сто сорок от того, что тебя сейчас будут убивать — это ужас. А когда у тебя пульс сто сорок от того, что тебе нужно составить опись вот этого металлолома, чтобы списать его с баланса — это просто тяжелая работа. Я выбрала второе. Она поддела носком туфли ржавый крюк. — Так, этот хлам пойдет на переплавку. Цепи... цепи оставим, они крепкие, пригодятся для бельевых веревок на заднем дворе. А вот эти... — она посветила на каменную плиту с отверстиями для лица, — это мы выкидываем. Это негигиенично. Плесень въелась в порфир намертво. Кайрен медленно спустился вслед за ней. Он двигался бесшумно, несмотря на свои габариты. Он встал за ее спиной, возвышаясь, как гора. Его тень накрыла Арину полностью. — Ты планируешь остаться? — спросил он в макушку ее пиджака. — А у меня есть выбор? — она не обернулась, продолжая методично светить в углы. — Если я вернусь в Москву, меня уволят за прогул. А у меня ипотека. Так что да, Владыка. Я остаюсь. Буду наводить у вас порядок. К зиме вставим стеклопакеты. К весне перекроем крышу. А там, глядишь, и газ в деревню проведем. Она наконец повернулась к нему. Фонарик в ее руке светил прямо ему в лицо. Кайрен сощурился, но не отодвинулся. — И запомните, — сказала она очень серьезно, глядя в его золотые глаза. — Если вы еще раз назовете меня «душой» или «истинной», я начну называть вас «зайчиком». При слугах. Выбирайте. Она развернулась и пошла обратно к лестнице. — Идемте, — бросила она через плечо. — У нас в графике на сегодня еще инвентаризация кухни. Надеюсь, у вас там не только жареные девственницы в меню. Мне нужна овсянка. И кофе. Растворимый «Нескафе» сойдет, я не гордая. Но если вы заставите меня пить расплавленное золото, как в дешевых книжках, я напишу жалобу в Роспотребнадзор. Кайрен смотрел ей вслед. На ее сгорбленную, уставшую спину. На прожженный пиджак. На ведро с вонючей мыльной водой. Он, Владыка Пепельных Пиков, Ужас Запада, внезапно понял, что грядущая гибель мира его волнует гораздо меньше, чем вопрос: найдется ли в его кладовых нормальная швабра, или придется заставлять демонов чистить пол вручную. И эта мысль пугала его до дрожи в коленях.

Глава 3. Кодекс об административных правонарушениях и овсяная каша

Кухня Цитадели Пепельных Пиков напоминала преисподнюю, в которой случился локальный апокалипсис с участием очень голодного и крайне неопрятного великана. Арина стояла на пороге огромного, вырубленного прямо в скале помещения, и ее лицо медленно приобретало оттенок спелой сливы. В центре кухни располагался исполинский очаг, в котором, судя по глубине прогара, не одно столетие жарили целиком мамонтов. Над ним на цепях висел котел размером с небольшой бассейн, на дне которого запекся слой черной, окаменевшей субстанции. Стены были черны от копоти, а потолок украшала причудливая бахрома из паутины, в которой бились и уже давно перестали подавать признаки жизни какие-то крупные, светящиеся насекомые. Но самым страшным было не это. На массивном столе из цельного куска гранита, среди обглоданных костей, подозрительно похожих на человеческие берцовые, и луж застывшего жира, лежал один-единственный предмет, выглядящий здесь абсолютно чужеродно. Сковорода. Обычная чугунная сковорода, покрытая слоем нагара толщиной в палец. Арина перевела взгляд на Кайрена. Владыка стоял поодаль, скрестив руки на груди. В своей человеческой форме он выглядел бледнее обычного, а под глазами залегли тени. Видимо, уборка пыточной и мытье окон дались его тысячелетнему эгоизму тяжелее, чем он хотел показать. — Это что? — Арина ткнула пальцем в сковороду. Ее голос был тихим, вкрадчивым и обещал муки, перед которыми пытки в подвале покажутся детским лепетом. — Посуда, — буркнул Кайрен. — Для мяса. Я... я пытался. Как ты и просила. Человеческую еду. Арина медленно закрыла глаза. Досчитала до десяти. Открыла. Сковорода не исчезла. Нагар тоже. — Владыка, — произнесла она, снимая с плеча сумку. — Я ценю порыв. Правда. То, что вы, дракон, способный плевать плазмой, не сожгли кухню дотла при попытке пожарить яичницу — это уже подвиг. Это тянет на медаль «За спасение на пожаре». Но скажите мне... — она открыла сумку и достала оттуда рулон плотных полиэтиленовых пакетов для мусора. — ...какого черта вы жарили на чугуне без масла? — У нас тут лава в двух шагах, — огрызнулся Кайрен. — Зачем мне масло? Я просто бросил кусок мяса на металл. Оно пригорело. Я счистил его кинжалом. Три раза. Потом мне надоело, и я приказал принести новое мясо. Арина молча развернула пакет. Звук шуршащего полиэтилена в мертвой тишине кухни прозвучал как приговор. — Слушайте меня внимательно, — она начала складывать в пакет обглоданные кости. — С этой минуты кухня переходит на осадное положение. Правило первое: никакого сырого мяса на мраморе. Для этого есть разделочные доски. Деревянные. Я видела в углу отличную дубовую колоду, я ее уже пометила как «Мясо». Гранитный стол теперь — зона «Чистое». Там мы будем только есть. Вилками. Она выпрямилась, уперла руки в бока. — Правило второе. Посуда. Ваша сковорода — это вещественное доказательство преступления против кулинарии. Мы ее реанимируем. Песок, кипяток и механическое воздействие. Вы. Лично. Будете ее драить, пока она не начнет отражать ваши грехи. Кайрен посмотрел на сковороду, потом на Арину. В его золотых глазах мелькнуло что-то похожее на бунт. — Я — Владыка Пепла. Я могу превратить эту скалу в пыль. Я могу призвать бурю, которая снесет континент. Я не буду мыть сковородку. Арина подошла к нему вплотную. Она была ему по грудь. Она подняла голову, и в ее глазах не было страха. Только бесконечная, вселенская усталость судебного пристава, который в пятый раз за день объясняет должнику, почему тот не может оплатить штраф биткоидами. — Кайрен, — сказала она очень ласково. — Посмотри на меня. Я — Истинная. Я — якорь. Если ты сейчас используешь магию, чтобы отскрести нагар, ты нарушишь баланс сил. Если ты превратишь сковороду в пыль, завтра утром ты проснешься, а у тебя вместо рук — копыта, а изо рта растут ромашки. Потому что я так захочу. Потому что мой стресс от вида этой антисанитарии превы-

сит критическую массу. Ты хочешь проснуться с ромашками, Владыка? Дракон сглотнул. Он не знал, способна ли она на такое, но за последние сутки он понял главное: Арина не блефовала. Она была воплощением хаоса, упакованного в форму Федерального закона. — Нет, — хрипло ответил он. — Тогда бери песчаник, — Арина сунула ему в руки кусок абразивного камня, валявшийся у очага. — И три. По часовой стрелке. Я пока найду воду. Спустя четыре часа кухня преобразилась. Это не была стерильная операционная, но это больше не напоминало скотобойню. Арина, засучив рукава прожженного пиджака, обнаружила за копотью еще один очаг — поменьше, явно предназначенный для какой-то тонкой магии, с идеальной тягой. Она нашла родник, бивший прямо из стены, и заставила Кайрена выдолбить в камне желоб для стока, чтобы вода текла в медный чан. Сам Владыка Пепельных Пиков стоял на коленях перед столом, голый по пояс, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу, и с остервенением тер чугунную сковороду. — Дыши, — командовала Арина, сидя на высоком табурете и наблюдая за ним. — Рука тверже. Ты не убиваешь врага, ты восстанавливаешь антипригарный слой. Это медитация. — Если я встречу того, кто придумал кулинарию, — прохрипел Кайрен, смахивая пот, — я скормлю его лаве по частям. — Сначала он изобрел огонь, — невозмутимо парировала Арина. — Так что технически вы должны быть ему благодарны. Так, отставить. Дай сюда. Она отобрала у него сковороду, критически осмотрела черную, но уже гладкую поверхность. — Прокаливаем. Соль. Много соли. Она сыпанула в сковороду горсть какой-то сероватой кристаллической соли из найденного мешка. Кайрен, подчиняясь ее жесту, направил на сковороду узкий, контролируемый поток тепла из ладони. Не пламя, а именно жар. Соль начала темнеть и трещать. Арина, не обращая внимания на то, что древний дракон сейчас работает у нее кухонной плитой, достала из сумки свой телефон. — Девять утра, — констатировала она. — Поздравляю, мы не умерли. И даже не поругались всерьез. Прогресс. Она листала что-то в экране. — Так, раз уж мы теперь живем вместе, нам нужен брачный договор. Кайрен замер. Соль на сковороде задымилась. — Что? — Брачный договор, — Арина подняла на него глаза. — Имущество, нажитое до брака, остается отдельным. Ваша Цитадель — ваша. Моя квартира в Марьино — моя. Никаких посягательств. Далее. Обязанности. Вы обеспечиваете физическую защиту, магическую поддержку и... — она окинула его фигуру взглядом, — ...тяжелый физический труд по первому требованию. Я обеспечиваю бухгалтерию, юридическое сопровождение, логистику и моральную стабильность. — Я не женюсь на тебе по законам людей, — прорычал Кайрен, но в его голосе уже не было прежней стали. Скорее, это был рык медведя, которого заставляют кататься на велосипеде в цирке. — А я и не предлагаю, — Арина высыпала потемневшую соль в мусорный пакет. — Я предлагаю регламент. Чтобы потом не было обид. Вот, например, пункт: «Супруг обязуется не превращаться в гигантского ящера в помещении менее ста квадратных метров без предварительного уведомления второй стороны за двадцать четыре часа». Или: «Супруга обязуется не использовать статьи Уголовного кодекса в качестве аргументов в спорах о цвете штор». Она встала, подошла к очагу. — А теперь завтрак. Она зачерпнула воды из чана, налила в котелок поменьше. — У нас есть крупа. Ячмень. И какая-то сушеная дрянь, похожая на мясо. — Это вяленый василиск, — мрачно сказал Кайрен, подходя ближе. От него пахло дымом, солью и тяжелым физическим трудом. — Высший деликатес. — С паразитами? — уточнила Арина, пригнувшись. — Нет, он ядовитый, паразиты дохнут на подлете. — Значит, вываривать три часа, — кивнула Арина. — С лавровым листом. Где у вас лавровый лист? Кайрен молча указал на стену, где висели связки каких-то сушеных когтей. Арина вздохнула. — Ясно. Питаемся подножным кормом. Ничего, я составлю список закупок. Она засыпала ячмень в воду. — Кайрен. — Мм? — Посмотри на меня. Он повернулся. Его лицо было перемазано сажей, на скуле красовалась царапина от ржавого крюка в пыточной, но глаза... глаза были живыми. В них не было тысячелетней пустоты. Там было раздражение, усталость и что-то еще, теплое и щекотное, от чего у Арины внезапно пересохло в горле. — Ты боишься, — повторил он вчерашний диагноз, но теперь это звучало иначе. — У меня пульс

девяносто, — призналась Арина, помешивая кашу. — Это для меня много. Я привыкла к восьмидесяти. Но знаешь что? Я не хочу домой. Кайрен моргнул. — Вчера ты угрожала мне ОМО-Ном. — Вчера я была в шоке, — она пожала плечами. — А сегодня я пью воду, которая не пахнет хлоркой. У вас тут экология лучше. И воздух... живой. Она попробовала кашу. Поморщилась. — Соли не хватает. И сахара. Сахар у вас тут вообще есть? Мед? — Мы едим мясо, — Кайрен смотрел на нее так, словно она предложила добавить в кровь лимонад. — А я ем углеводы, — отрезала Арина. — Иначе я к обеду начну убивать. А у нас по графику после завтрака — аудит библиотеки. Я хочу знать, на каком праве держится ваша власть. Если на божественном — это одно, будем писать петицию богам. Если на феодальном — будем собирать компромат на баронов. Она сняла котелок с огня, накрыла его крышкой. — Ешьте, Владыка. И не морщитесь. Это клетчатка. Полезно для пищеварения. А то с вашей диетой из мамонтов у вас там в кишечнике, наверное, окаменелости. Кайрен взял из ее рук простую деревянную ложку. Посмотрел на серую, неаппетитную массу. Посмотрел на Арину. Она сидела на краю каменного стола, болтая ногами, и деловито распечатывала вторую пачку влажных салфеток, чтобы вытереть руки. Он зачерпнул кашу. Это была самая отвратительная еда, которую он ел за десять тысяч лет. Пресная, склизкая, холодная. Он проглотил ее. И зачерпнул еще. Потому что ее сварила *она*. Его ошибка системы. Его административный приговор. Его женщина, которая мыла окна в Цитадели Ужаса и требовала чек на покупку дров. Библиотека Цитадели встретила их тишиной. Это было не то уютное безмолвие читальных залов. Это была тяжелая, пыльная тишина склепа. Книги здесь не стояли. Они лежали в гробницах из черного дерева, прикованные цепями. Свитки были замурованы в янтарь. — У вас пунктик на тему фиксации информации, — заметила Арина, доставая из сумки блокнот. — Бойтесь, что книги сбегут? — Здесь запретные знания, — Кайрен щелкнул пальцами. По залу поплыл светящийся фиолетовый туман, разгоняя вековую пыль. — Магия, способная расколоть луну. Имена демонов, которые не должны быть произнесены. — Ага, — Арина деловито обошла центральный стол. — То есть, интеллектуальная собственность с грифом «Совершенно секретно». Хорошо. Мне нужен ваш Устав. Конституция. Свод законов. И, желательно, выписку из реестра прав собственности на прилегающие земли. Кайрен подошел к одной из «гробниц». Его рука легла на замок из черненого серебра. Металл зашипел, плавясь от его прикосновения. — Зачем тебе это? — спросил он, не оборачиваясь. — Ты же пристав. Ты привыкла отнимать. — Я привыкла приводить в соответствие, — Арина села в кресло, которое жалобно скрипнуло под ее весом. — Я не отнимаю, Кайрен. Я возвращаю. Если банк забрал у старушки квартиру за долги — это трагедия. Но если банк забрал квартиру у мажора, который вывел активы, — это справедливость. Я ищу, где у вас тут дыры в законе. Почему магия утекает? Кто ворует ресурс? Кайрен открыл фолиант. Страницы были сделаны не из бумаги, а из тонкой кожи, которая, казалось, все еще дышала. — Магия утекает, потому что мир стареет, — сказал он глухо. — И потому что я слабею. Моя сила — это сила Порядка. Но я разрушен. Моя ярость не имеет вектора. Она бьет во все стороны. Ты... ты собираешь меня по кускам. Когда ты рядом, я не хочу сжигать. Я хочу... строить. Это сводит меня с ума. Арина подняла голову от блокнота. — Это не сумасшествие, — тихо сказала она. — Это называется «взросление». И «ответственность». Она встала, подошла к нему. Положила руку на его предплечье. Кожа Кайрена была горячее, как разогретый утюг. — Смотри, — она ткнула пальцем в страницу. — Вот ваш закон о престолонаследии. «Истинная пара дарует Владыке стабильность ядра». Юридическая формулировка размыта. Что такое «стабильность»? В процентах? В градусах Кельвина? Нет конкретики. Значит, любой аристократ может оспорить вашу власть, заявив, что стабилизация не наступила. — Никто не посмеет, — прошипел Кайрен. — Посмеет, — Арина усмехнулась. — Как только вы покажете слабость. Например, начнете мыть сковородки. Она перелистнула страницу. — А вот это интересно. Налог на воздух. Seriously? Вы берете налог за то, что драконы дышат? — Это акциз на теплый воздух, — буркнул Кайрен. — Мы же выдыхаем пламя.

— Это самодурство, — Арина захлопнула книгу. Пыль взметнулась столбом. — Вы душите экономику. Малый бизнес в загоне. Низшие кланы на грани восстания. У вас тут феодализм в терминальной стадии. Она вернулась в кресло. — Значит так. План действий. Первое: мы пишем новый Кодекс. Справедливый. Второе: мы проводим перепись населения. Третье: мы снижаем налоги. Кайрен смотрел на нее сверху вниз. — Ты хочешь перестроить мой мир. За один день.— Я хочу, чтобы он не рухнул тебе на голову, — отрезала Арина. — Вместе с твоей короной. Снимай ее, кстати. От нее у тебя голова болит. Это видно по венам на висках. Она зевнула, прикрыв рот ладонью. — Яичница из василиска и аудит налогового кодекса... День удался. Кайрен смотрел на нее — маленькую, уставшую, в прожженном пиджаке, с карандашом за ухом, — и понимал, что Арина Корнеева не просто «Истинная». Она была самым опасным существом, которое когда-либо ступало под своды его Цитадели. Потому что она пришла не с мечом. Она пришла с проверкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.